

Валдай | Международный
дискуссионный клуб

Без паники: государство и ответственность за будущее

Олег Барабанов, Антон Беспалов,
Тимофей Бордачёв, Фёдор Лукьянов,
Андрей Сушенцов, Иван Тимофеев

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-907845-74-9

© Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай», 2026

Российская Федерация, 127051, Москва,
Цветной бульвар, дом 16/1

Об авторах

Барабанов Олег Николаевич

программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»; профессор МГИМО МИД России; профессор РАН

Беспалов Антон Сергеевич

программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»; заместитель главного редактора сайта valdaiclub.com

Бордачёв Тимофей Вячеславович

программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»; научный руководитель Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, профессор НИУ ВШЭ

Лукьянов Фёдор Александрович

руководитель авторского коллектива; директор по научной работе Фонда клуба «Валдай»; главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»; председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике; профессор-исследователь НИУ ВШЭ

Сушенцов Андрей Андреевич

декан факультета международных отношений МГИМО МИД России

Тимофеев Иван Николаевич

программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»; генеральный директор Российского совета по международным делам

Содержание

- 4 Антиутопия – наш ориентир?
- 5 Чего мы боимся?
- 9 Архаика и прогресс, государство и технология
- 15 Суверенитет
и стратегические архетипы
- 20 Государство против антиутопии

Не унывать в несчастье и не возноситься в счастье – вот признак сильного духа и могущественной державы.

Никколо Макиавелли

Благородный муж стойко переносит беды. А низкий человек в беде распускается.

Конфуций

Бывают времена, о которых острословы говорят: «Раньше будущее было лучше». Перемены не прекращаются никогда, они всегда противоречивы. Вопрос – как к ним относиться и какие перспективы видеть. Иногда предстоящее воспринимается с оптимизмом – например, налицо социально-политический прогресс, а успехи технологий его стимулируют и поддерживают. Иногда ощущение обратное: золотой век миновал, грядущее покрыто злобещим туманом, если не мраком. И даже научно-технические прорывы, открывающие новые возможности, не радуют, а пугают последствиями.

И то, и другое – вопрос скорее психологии, чем реального положения дел. Объективное соотношение возможностей и рисков, а если говорить возвышенно – добра и зла, всегда примерно одинаково. Корректируется субъективное восприятие. И это крайне важный фактор, потому что главным действующим лицом мировой среды остаётся именно человек. Как распорядиться складывающимися обстоятельствами? Использовать ли их ко всеобщему благу или в сугубо эгоистических интересах? Как направить энергию мирового развития на кооперацию, а не на яростное противостояние? Как увидеть наиболее вероятное будущее и попытаться повлиять на него, чтобы поддержать созидательные тенденции и свести к минимуму разрушительные?

Кардинальные перемены на международной арене – не стихийное бедствие, а основание задуматься, почему прежние нормы перестали отвечать меняющимся задачам. Такое происходит регулярно, из этого и состоит социально-политическое развитие. И оно требует перезагрузки настроек, обновления программного обеспечения мировой политики. История знает немало примеров подобного рода и учит одному: в такие моменты не стоит впадать в избыточный алармизм, тем более в панику, следует максимально трезво оценить ситуацию и постараться принять наиболее рациональное решение. Ежегодный доклад Валдайского клуба в бурном и тревожном 2026 году – о том, как смотреть в будущее без страха, даже если от процессов, разворачивающихся на наших глазах, немного не по себе.

Антиутопия – наш ориентир?

На протяжении последних лет основная цель ежегодных докладов клуба «Валдай» – заглянуть за горизонт эпохи, когда мир обоснованно считается тревожным и опасным местом. «Осыпание» прежнего мироустройства мы констатировали восемь лет назад, когда такое умозаключение ещё казалось многим поспешным¹. Но дальнейшие события подтвердили диагноз. Теперь уже нет смысла упиваться темпами и масштабом деконструкции прежнего.

Мы стараемся выносить на обсуждение явления и процессы международной жизни, которые могут способствовать установлению военно-политического равновесия и стабилизации системы торгово-экономических связей. И постоянно подчёркиваем: международная структура, опирающаяся на совокупность институтов, которая стала привычной во второй половине XX и начале XXI века (и которая многим кажется незаменимой), – лишь один из вариантов обустройства политического ландшафта. Вариант очень специфичный, порождённый неповторимыми реалиями того периода. На смену модели, укоренённой в холодной войне, придёт другая. А базовые ограничители совсем уж безответственных действий международных игроков (прежде всего чувство самосохранения) пока продолжают действовать.

Справедливости ради надо признать, что остающиеся предохранители ещё удерживают систему от распада или революционного взрыва, но не могут стать основой для её обновления и утверждения в новом качестве. Одной лишь способности балансировать на грани терминальных событий, не переходя эту грань, недостаточно, чтобы мир пришёл в новое упорядоченное состояние в течение жизни одного поколения.

Исторический оптимизм особенно важен сейчас, когда уже изрядно распространившееся катастрофическое восприятие действительности сменяется ещё худшим феноменом – унынием по поводу будущего. Его источник (помимо непонимания последствий технологических прорывов) имеет двоякий характер.

С одной стороны, ряд обществ и государств, особенно на Западе, не могут дать ответы на кризис порядка, который они создали в предшествовавшие десятилетия. С другой – остальные общества и государства, относящиеся к Глобальному Югу и Востоку, не обрели возможности, а скорее

¹ Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И. Жизнь в осыпающемся мире. Ежегодный доклад клуба «Валдай» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 15.10.2018. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/zhizn-v-osypayushchemsya-mire>

пока даже и желания, быстро предложить убедительную альтернативу. Иными словами, прежний мировой порядок как целостность себя исчерпал, даже фрагментарно он работает всё хуже и хуже. Чтобы создавать новый, нет ни ресурсов, ни готовности (ни у кого) брать на себя серьёзные риски. Подлинного революционного потенциала – стремления к резкому кардинальному переустройству – в международных отношениях также нет: ядерное сдерживание работает, а в крупнейших государствах отсутствуют причины для фундаментальных социальных изменений².

Следствием воцарившегося уныния становится крепнущее представление о завтрашнем дне как о классической **антиутопии**. На уровне отдельных обществ и государств – тотальное подавление личности, на международном уровне – нескончаемая борьба на уничтожение с разрушением любых механизмов взаимопонимания. Большой вклад в рост страхов по отношению к будущему вносит распространение технологий, способных лишить человека уникальной привилегии, которая отличает его от животного мира, – умения мыслить критически и автономно от информации, служащей материалом для размышлений. Множатся опасения, что вследствие распространения искусственного интеллекта технический прогресс впервые в истории приведёт к ослаблению позиций человеческого (естественного) разума. Да и в целом считается, что проблема всеобщего отчуждения приобретает всё более острый характер. Волны ожидания «отмены человека», якобы неизбежного проигрыша (по крайней мере на массовом уровне) его когнитивных способностей быстро прогрессирующей машине, напоминают подчас религиозную экзальтацию, ожидание конца света.

Чего мы боимся?

Чтобы сделать проблему более предметной, заметим, что усугубляющиеся страхи по поводу искусственного интеллекта (ИИ) имеют не только экзистенциальные, эпистемологические, но и вполне понятные общественно-политические причины. Опасения по поводу потери рабочих мест – наиболее простая из них (хотя, как осторожно замечают специалисты, несколько преувеличенная).

² Отчасти поэтому концепция якобы идущей сейчас Третьей мировой войны представляет её как процесс непрерывного противоборства в самых разных измерениях, но не традиционного фронтального столкновения держав. Провозглашение Третьей мировой войны сегодня является способом, во-первых, обозначить ненормальность, с точки зрения авторов идеи, того, что принято называть «хаосом» в международных отношениях, а, во-вторых, объявить революционными процессы, которые на самом деле не соответствуют традиционным представлениям о том, что такое революция в мировых делах и как она происходит.

Один из конкретных аспектов – быстрое усиление влияния корпораций (и их руководителей), занятых продвижением искусственного интеллекта, тенденцию уже окрестили становлением «технофеодализма»³. Главы этих корпораций очень заметны в публичной сфере, и высказываются они давно уже не столько о технологиях, сколько о том, какими станут (должны стать) общество и цивилизация будущего. Представления о морали и самоограничениях у многих из этих персон, мягко говоря, своеобразны, наиболее чувствительная часть аудитории усматривает в идеях, подобных «тёмному просвещению», предпосылки поистине тоталитарных устремлений (отсюда беспокойство о приходе «технофашизма»).

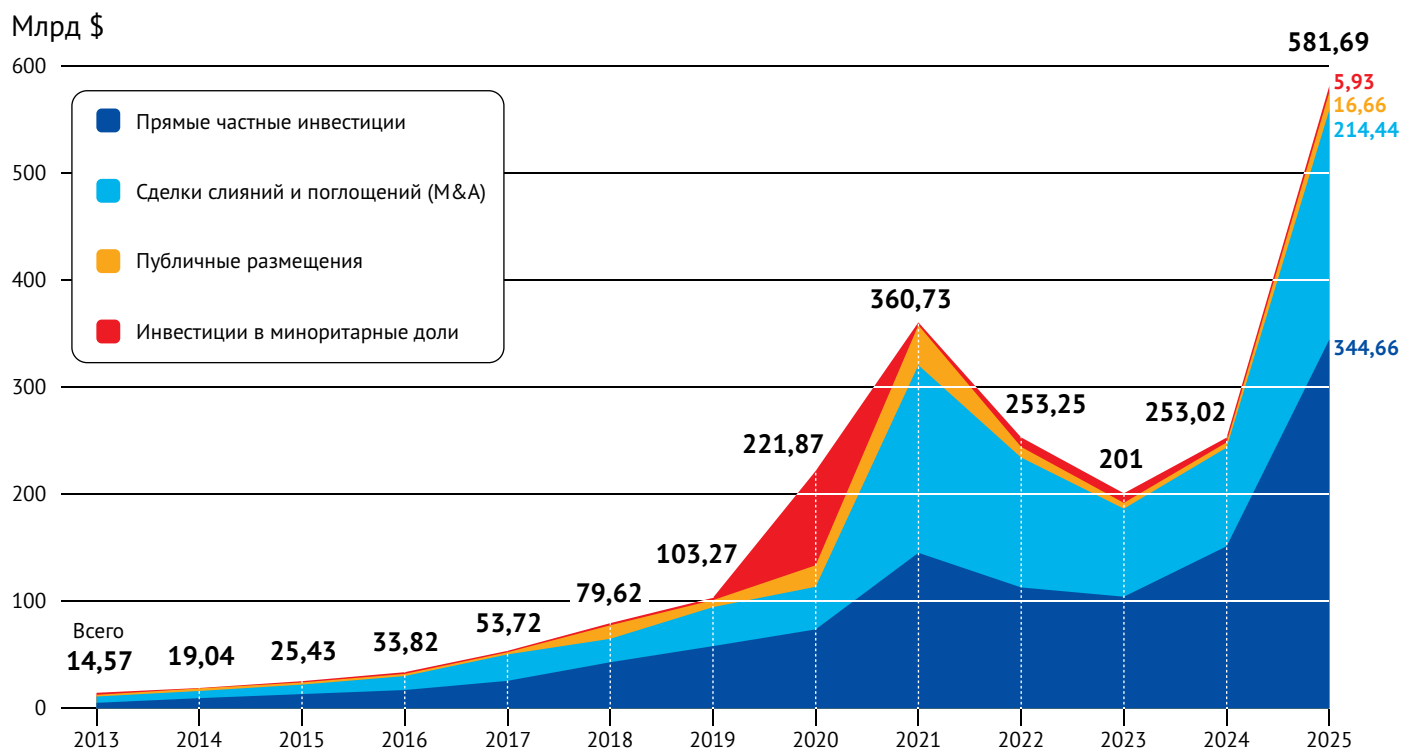
Есть и другая сторона нынешней технологической революции. Геополитическая борьба переносится в область искусственного интеллекта. Роль и влияние ИИ таковы, что большинство стран, естественно, ставит вопрос о необходимости суверенного контроля над этой сферой. Это касается правил функционирования и применения нейросетей на национальной территории, а также их обучения на том или ином массиве информации, который формирует их «менталитет», ценностную ориентацию. Нарастание таких противоречий может привести к новой форме жёсткого соперничества – фактически к войне враждующих суверенных искусственных интеллектов между собой. По своей сути это мало отличается от привычного идейно-политического противостояния, но разрушительная способность «цифровых» игроков, автономных в некоторой степени по отношению к своим создателям, вероятно, окажется заметно выше.

Технологические новации (массовое распространение беспилотников и внедрение того самого искусственного интеллекта) превращают любое вооружённое противостояние во всеобъемлющее. Стирается грань между военной и гражданской сферой. Изменение характера войны, требующее фундаментального пересмотра военных стратегий, становится важнейшим политическим фактором. И наоборот – ключевым компонентом военной мощи оказывается даже не военно-технический потенциал, а выносливость политической системы, экономики и общества. Это может существенно менять баланс сил, лишая более крупные и сильные в военном плане державы ряда, казалось бы, гарантированных преимуществ (противостояние США и Ирана – один из наглядных примеров).

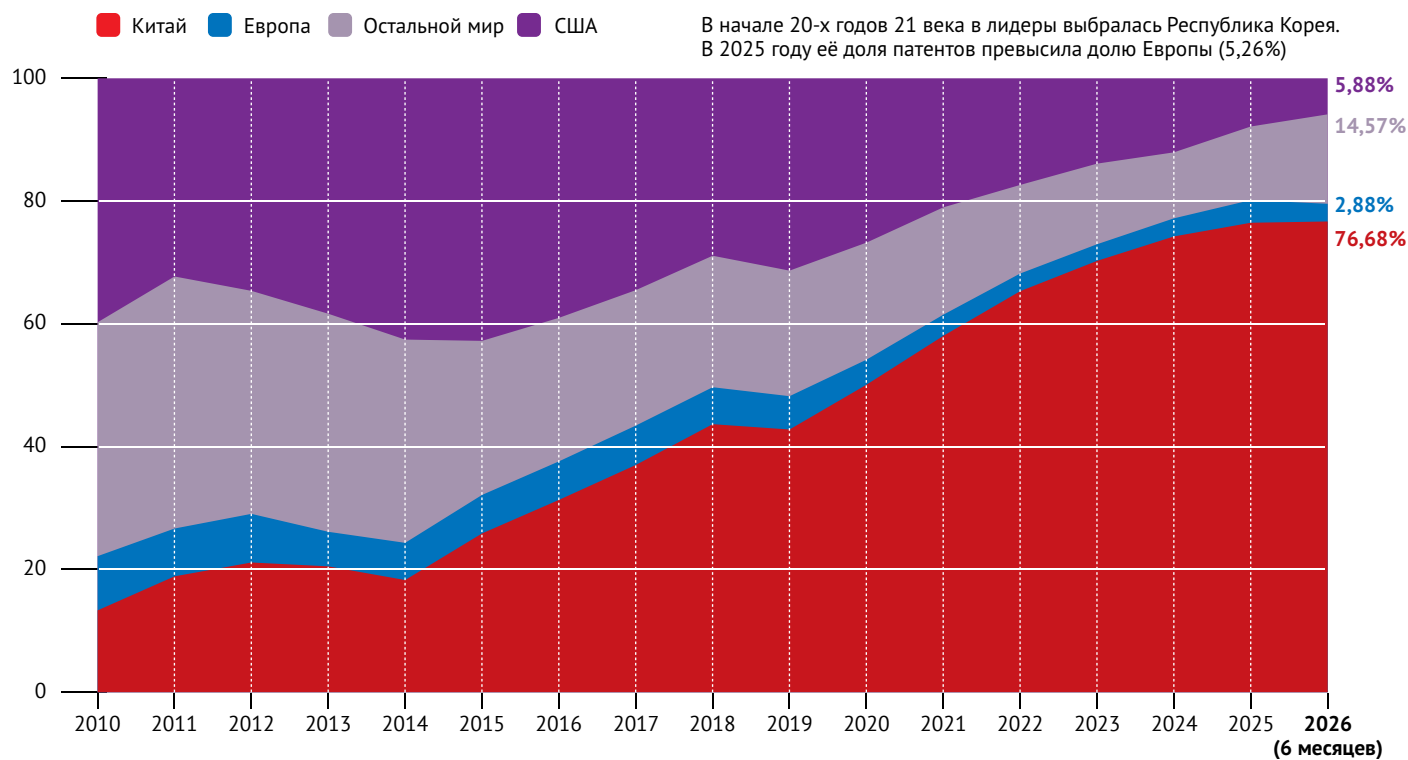
³ Варуфакис Я. Технофеодализм. Что убило капитализм / пер. А. Снигилов. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025. 304 с.

МИРОВЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Корпоративные инвестиции в ИИ-сектор по объёму инвестиционной деятельности 2013–2025 гг.

Мировой объём выданных патентов в области ИИ, %

Источники: Quid (2025), WIPO

Новый характер войны оказывает влияние на поведение и крупных, и средних держав. Это чревато соблазном провоцирующего поведения со стороны отдельных средних держав. А также попаданием великих держав в «ловушку Фукидида» (метафора стала популярной с подачи американского экспертного сообщества и подхватившего её председателя КНР Си Цзиньпина): надо превентивно осадить потенциального соперника, пока тот не набрал силу. Всё это подпитывает общую нервозность и толкает к недостаточно продуманным шагам.

Атмосфера всеобщей неуверенности усугубляется по мере общего роста международной нестабильности в условиях упадка прежней системы. Мир, который принято называть полицентричным, – не зафиксированный порядок, а перманентный процесс с участием игроков разного калибра. Продолжается не ограниченный во времени переходный период, который предполагает высокий уровень вариативности, частые дилеммы сложных развилок, отсутствие предопределённости. С точки зрения политики ведущих игроков, такое положение вещей означает неизбежность конкурентного, конфликтного взаимодействия в разных формах, вплоть до наиболее жёстких. Понимание неизбежности и продолжительности борьбы, а значит – необходимости основательной подготовки к ней, служит катализатором роста турбулентности.

Наиболее опасно, что страх перед будущим из рациональной оценки перемен постепенно переходит в плоскость эмоционального ощущения и охватывает все сферы – геополитическую, экономическую, технологическую. Изменения привычного, повседневного образа жизни распространяют его на быт семей и домохозяйств. Ключевая установка прогресса: «Завтра – лучше, чем вчера», – всё чаще уступает место предположению, что будет только хуже. А ведь с эпохи Просвещения вера в прогресс задавала рамку для идеализированного образа человечества.

Как же выживать и развиваться в таком мире? Поскольку на базовом эмоциональном уровне ключевой является эмоция страха, первостепенным становится контроль над эмоциями (управление эмоциями). И рационализация собственного поведения. Это значимо как для каждого отдельного человека, так и для человеческих сообществ в целом. И, что принципиально, – для политических и корпоративных лидеров, принимающих решения, которые определяют параметры будущего мира. Пресловутая «ловушка Фукидида» – тоже продукт эмоции страха. И тут уже не рациональность, а инстинкты начинают диктовать поведение.

Теория международных отношений утверждает, что государства хотят безопасности и достижения такого уровня собственных возможностей, который не позволяет быть «съеденными» другими. Но вопрос выходит далеко за пределы хватательных рефлексов и инстинктов в духе закона джунглей. Мировая арена, несмотря на жестокость нравов, – не джунгли, а человек – не заурядный хищник. И даже рефлексы обретают смысл только в привязке к более масштабным этическим и нормативным целям. Они, в свою очередь, предполагают в самом общем виде торжество добра над злом, как их понимают на данном этапе исторического развития. Но сегодня добро и зло настолько переплетены, что отделить их друг от друга почти невозможно. Наиболее наглядно это проявляется в дилемме развития и традиции, иными словами – прогресса и архаики.

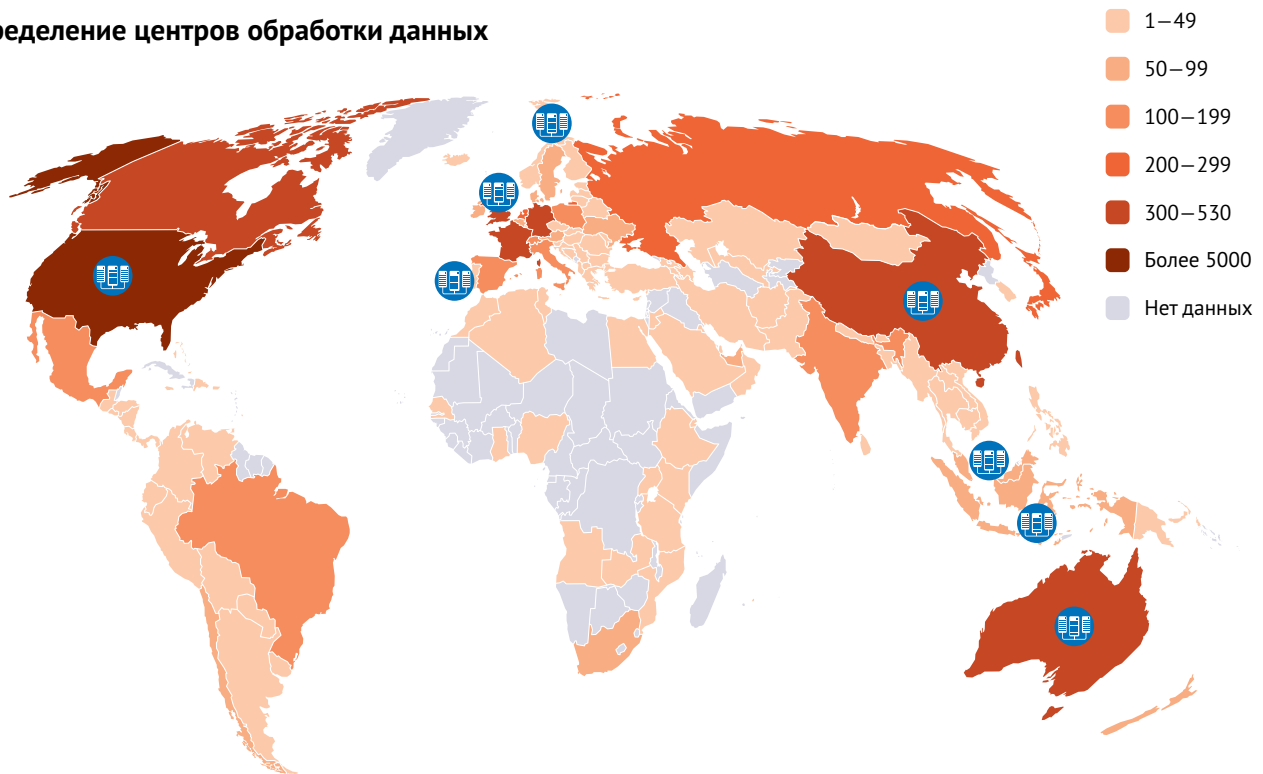
Архаика и прогресс, государство и технология

Восприятие архаики как зла – одна из основополагающих идей эпохи Просвещения. Средство борьбы с архаикой – человеческий разум. Архаика проявляется во всём, что противоречит разуму. Догмы, предрассудки, заблуждения, страсти в противовес науке, планированию, систематизированному подходу, рассудку. И сегодня архаика воспринимается как то, чего точно надо избежать. В международных отношениях она практически всегда синоним поражения. Побеждает более организованный, технически развитый и подготовленный игрок. Архаичные системы в состоянии выиграть тактический раунд, но стратегическое противостояние – едва ли. Избежать архаики и отсталости – цель любого «нормального» государства. Многие утопии описывают рационально организованное, упорядоченное и функциональное общество. Начиная с города-государства Платона и заканчивая американским «градом на холме» или коммунистическим обществом.

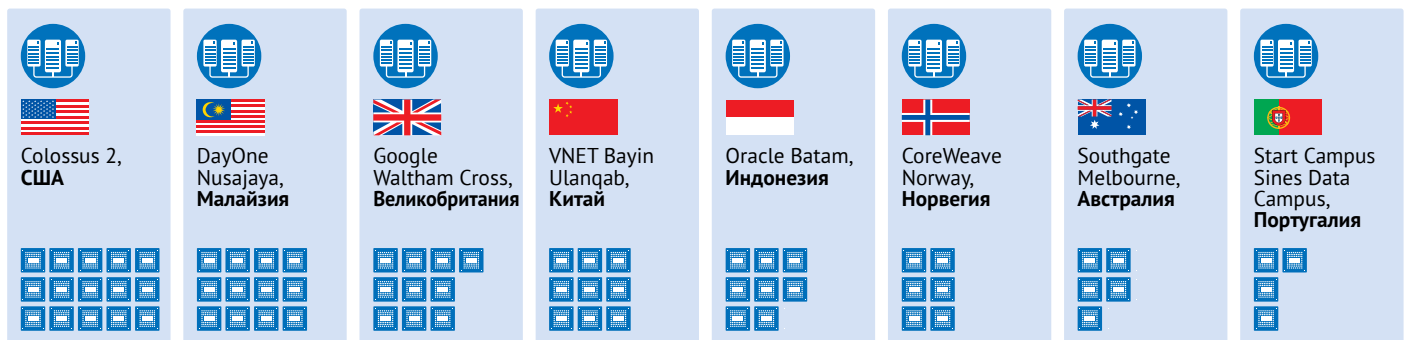
Однако последствия того, что получается, когда прогресс становится самоцелью, а инновация разрушает традицию, отлично известны благодаря (бесконечной) истории. И прогресс способен нести зло, особенно если верх берёт установка на воплощение его в жизнь любой ценой. Разум и рассудок идеальны на бумаге. Практика сложнее. Поборники разума, подчас доведённого до абсурда, творили столь чудовищные

РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИИ (ЧАСТЬ I)

Распределение центров обработки данных

Самые мощные ЦОД, используемые для ИИ-вычислений

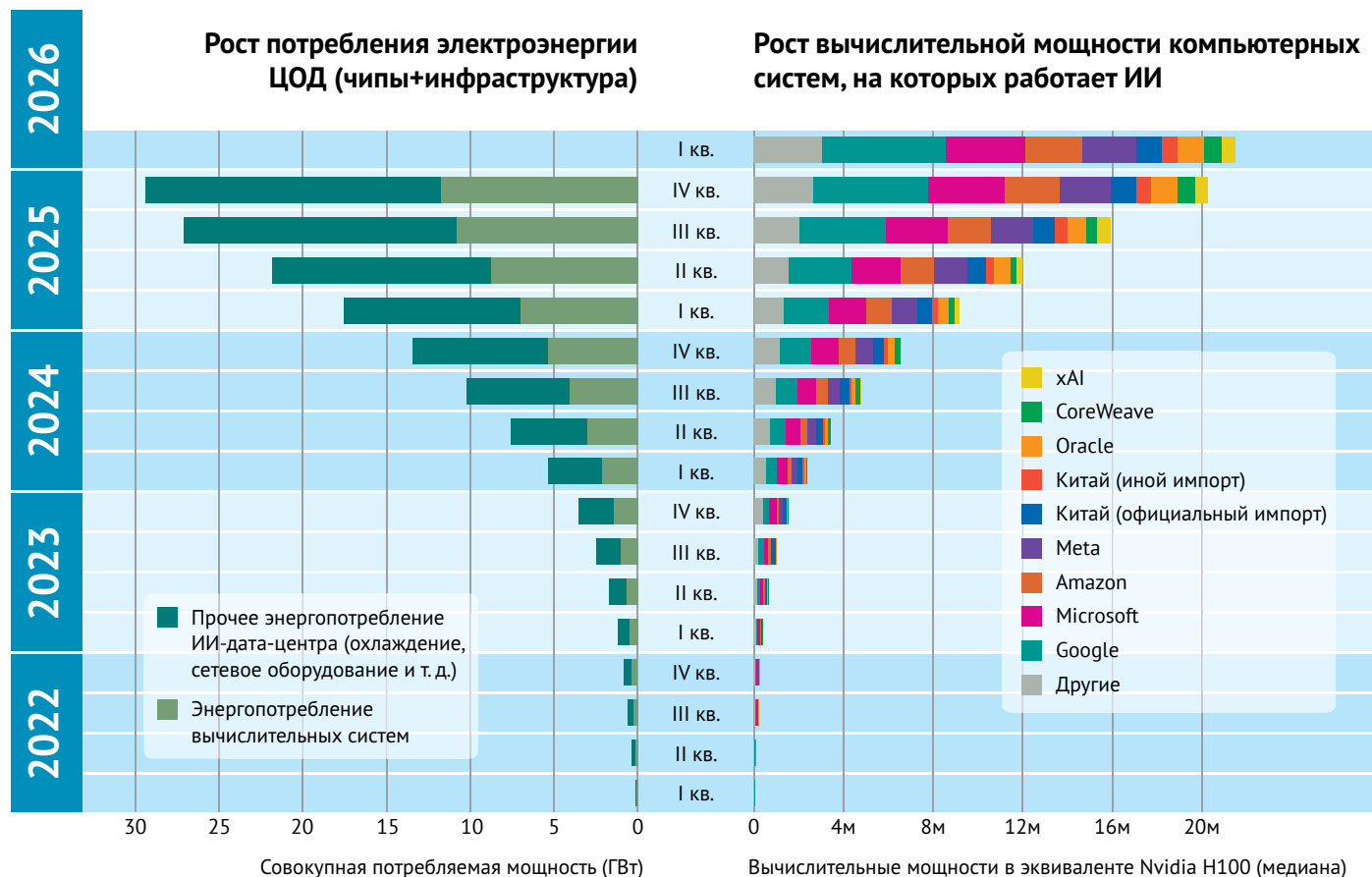

Источники: *cloudscene.com, epoch.ai*

преступления, которые и не снились «архаичным» предшественникам. Наука обращалась в догму. А планирование и организованное действие не раз исходили из ложных предположений.

Результаты прогресса становились средством разрушения и отчуждения человека от самого себя. Свидетельств тому изрядно. Среди них – индустриализация войны, способность с помощью науки и рациональной организации вооружённой борьбы уничтожать десятки миллионов людей. Апофеозом страха стал риск гибели человечества в результате ядерной войны. Другой пример – боязнь техногенных катастроф, когда человеческая ошибка или утрата контроля над технологией наносят непоправимый ущерб. Сегодня растёт паника вокруг искусственного интеллекта,

РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИИ (ЧАСТЬ II)

Источник: *epoch.ai*

хотя своего символа катастрофы он ещё не обрёл. Наглядный пример – неуправляемый и тотальный контроль и надзор с помощью новых средств электронной слежки. Если пятнадцать лет назад апогеем казались разоблачения от Эдварда Сноудена, то сейчас, после опыта ковида и в связи с повсеместным внедрением того самого ИИ, тогдашние схемы выглядят просто-таки «лампово».

Вообще, искусственный интеллект – наиболее очевидная иллюстрация двойственного восприятия прогресса: едва ли не очарование новыми возможностями и почти ужас в связи с ожидаемыми последствиями.

Страх увязнуть в архаике породил множество утопий, а страх перед прогрессом в разных его видах – сопоставимое число антиутопий. Ядерный апокалипсис использовался в качестве творческого хода столь часто, что уже стал банальностью. Существует целый пласт литературных и художественных произведений по всему миру, обыгрывающих сюжет о том, что архаика и прогресс способны сливаться в единое целое, становиться двумя сторонами одного процесса. «Терминатор» – его наиболее популярная версия, поминаемая сейчас снова из-за достижений ИИ. «Мы» русского писателя

Евгения Замятина – одна из самых выразительных антиутопий тотального контроля. Избавление от архаики само по себе даёт лишь временное преимущество, а прогресс не только не устраняет, но подчас и умножает зло, в том числе и расширяя пространство для наиболее отталкивающих человеческих проявлений. Особенно когда самые воинственные формы прогресса пытаются перечеркнуть национально-культурные традиции. Но и абсолютизация таковых чревата фатальным отставанием.

Описанный парадокс отражает имманентное противоречие человеческой природы: потенциально агрессивной и опасной, но в то же время способной к добру и созиданию. Поиск зла и спасения от него в самом человеке и его природе – классическая интеллектуальная конструкция от Блаженного Августина до Фёдора Достоевского. Природа человека как причина зла красной нитью проходит через политическую философию XX века. Цивилизация – хрупкий предохранитель от «инстинкта смерти». Стоит ей дать трещину, как разрушительность человека выходит из берегов. Но сама цивилизованность – не панацея. Она лишь ту же взводит пружину, а, как известно, чем сильнее сжимается пружина, тем сильнее потом бьёт. Клиническое выражение этой метафоры – неврозы, лечением которых занимался гуру прошлого столетия Зигмунд Фрейд. Проговаривание невроза на кушетке даёт облегчение пациенту и заработок доктору. Но фундаментально проблему не решает. Эрих Фромм и представители Франкфуртской школы более оптимистичны: зло человека порождается тем самым прогрессом, который репрессивен. Оставить прогресс, но убрать репрессии. Таков их (по всей видимости, неосуществимый) рецепт. Но он сопрягается с марксистской идеей об обществе без государства, анархизмом (который сейчас обретает второе дыхание в разного рода техно- и киберконцепциях) или либертарианским представлением о «минимальном государстве».

Аргумент о природе человека – важная часть и теории международных отношений. Рейнхольд Нибур, ключевой теоретик политического реализма, отмечает, что в социальных группах зло человеческой природы многократно умножается. Парадокс, что, будучи религиозным мыслителем, Нибур видит спасение не в смирении, а в сдерживании. Зло можно остановить только угрозой другого зла. Либералы предлагали классическую просвещенческую альтернативу: обуздание зла разумом. Рациональное международное право и торговля, в том числе здоровая конкуренция, против устаревших форм войны. В очередной раз не сработало.

Столкновение двух модернистских идеологий, под знаком которого прошёл XX век, заменилось постмодернистскими симуляциями. Их можно было позволить себе в относительно спокойный период конца прошлого – начала этого столетия. Имитировать взгляды, быть «как бы» правыми или «как бы» левыми. Этикетки постепенно отрывались от изначального содержания. Либералы, социалисты, консерваторы обращались в информационные фантомы ушедшей эпохи.

Сегодня ситуация изменилась. Идея прогресса, с одной стороны, пугает, когда речь идёт о чисто технологическом аспекте, но она связана и с надеждой на новый миропорядок, который обуздает нынешнюю анархию. Достижения человека и государства как ключевого организующего звена едва ли оспоримы, несмотря на все издержки и риски. Без прогресса противостоять злу невозможно. Однако прогресс требует рамок, хотя бы частично страхующих от его издержек. Получается, что прогресс остаётся ключевой идеей в формировании нового порядка, пусть и под новыми этикетками. Ключевые игроки будут предлагать свои версии и алгоритмы прогресса, отталкиваясь от собственных технических, промышленных и человеческих возможностей.

Сейчас все выдвигаемые предложения о возможном мироустройстве, как бы они ни формулировались, подчинены идее национального интереса и национальной безопасности. Они не снимают проблемы, связанной с прогрессом. ИИ и цифровизация позволяют «отжимать» и контролировать человека в беспрецедентной степени. Его личная свобода и автономия сужаются. Отчуждение лишь нарастает. Если в XIX веке эту проблему системно поднял марксизм, то сегодня ниша свободна. И пока не появилось ни одной новой доктрины, которая предлагала бы системные решения. Отдельный вопрос – возможны ли они в принципе в настолько неоднородном и диверсифицированном мире.

В разных культурах и государственных системах возникают идеи, пока умозрительные, о возможных принципах обустройства мира. Примечательно, что направление поиска – не теоретические построения модерна, а попытки использовать традиционные, «архаичные», но понятные людям образы для описания мира. Так, в последние годы санскритская фраза *Васудхайва кутумбакам* («Весь мир – одна семья»), взятая из Упанишад, стала известна не только знатокам индуистской культуры, но и всем интересующимся международной жизнью. Индия – всё более активный игрок на мировой арене – сделала древнюю мудрость девизом своей дипломатии и гуманитарной политики, призывая человечество не забывать об объединяющих всех родственных узах и нести общую ответственность за судьбу планеты. Слова об «общей судьбе» человечества, отсылающей к учению Конфуция, звучат в китайской концепции построения гармоничного миропорядка. Несмотря на противоречия между собой, два восходящих гиганта мировой политики описывают желаемый мир довольно схожим языком, хотя, признаем, что реальность сейчас максимально далека от этого образа.

Насколько культурно-историческая близость и даже родственность (если уж говорить о семье) служат объединяющим элементом, вопрос сложный. Например, отношения России и Европы, субъектов с очень давними традициями взаимного переплетения, дают обильную пищу для размышлений о том, что стремление и способность возводить барьеры не имеют пределов. Невзирая на географическую близость и глубокое культурное родство, Европа

и Россия методично отгораживаются друг от друга, что вызывает недоумение остального мира. Ведь для него внутренние противоречия европейской цивилизации, которую они считают единой, остаются в значительной мере постижимыми, равно как и попытки её двух частей – западной и восточной – откреститься друг от друга. Откреститься, в конечном счёте, от родства.

Сам политический Запад – расширенное трансатлантическое сообщество, спаянное общими ценностями и историей, тоже переживает внутренний процесс переустройства. Потрясения последних лет – ковид, а затем и военно-политический кризис вокруг Украины – продемонстрировали, что стремление переложить издержки на «родственника», сняв их с себя, типичная практика и в западной «семье». Некоторые видят в ней расслоение, даже размежевание, но такие оценки, вероятно, преждевременны. Зато заметно другое: многовековой гегемон переживает процесс отгораживания и окукливания, сохраняя обширные возможности влияния на остальной мир. Восторжествуют ли идеи человечества как одной семьи в постзападном мире? Фрагментация происходит параллельно с взаимодействием культур и цивилизаций, зачастую в самых причудливых формах. Парадокс эпохи не в том, что мир распадается, а в том, что он распадается и остаётся связанным одновременно – и ни один из этих процессов не отменяет другого.

Влияние государств на жизнь граждан и развитие международной среды, несомненно, увеличивается. Это повсеместное явление, происходящее вне зависимости от того, насколько дееспособно каждое отдельное государство. И в этом, а не в создании международных структур ищут ответ на усиление цифрового корпоративизма. Обвальное падение роли международных институтов (именно они подразумевались в качестве проводников «конца истории») выражается в том, что неэффективность демонстрируют любые организации: как старые, так и новые. Все они так или иначе ограничены приоритетами государств, результатом чего являются, например, меньшая готовность соблюдать совместно установленные правила, подчинять свои действия общим решениям или желание более активно использовать международные институты в целях внешней политики. Если же это невозможно, как в случае ООН, – то работа этих организаций просто тормозится. Значение фактора силы в мировой политике быстро увеличивается, уже никто не оспаривает, что практика жёсткого силового взаимодействия будет только расширяться⁴.

Государство возвращается в качестве главного дирижёра социальной жизни и устроителя мировых порядков в силовом соревновании с себе подобными. Но, конечно, это не означает, что новый этап будет буквальным повторением чего-то давно прошедшего.

⁴ При этом, в отличие от эпохи произвола европейских империй в XIX веке, сила приобретает функцию основного регулятора. Важным примером стало столкновение США и Ирана – держав, находящихся в разных весовых категориях. США не смогли добиться победы теми силами, которые они были готовы выделить для этого, а Иран смог противостоять им, но не перейти грань, за которой дипломатическое решение стало бы невозможным. Обе державы остались, таким образом, в рамках системы и не продемонстрировали готовность к действительно революционному поведению.

Суверенитет и стратегические архетипы

Ренессанс государства – это прежде всего возвращение суверенитета в качестве стержневой политической категории. На предыдущей фазе либеральной глобализации по умолчанию считалось, что магистральное направление развития – размывание и стирание суверенности стран.

Размышлять о национальном суверенитете после глобализации почти одновременно стали не только Россия, Китай, Турция, Индия и Бразилия, но и Соединённые Штаты, которые в Стратегии национальной безопасности 2025 года впервые за несколько десятилетий применили понятие национального суверенитета к себе. Целое поколение элит США с конца 1980-х годов избегало использовать это словосочетание, считалось, что методом реализации американского интереса в эпоху глобализации является выстраивание сети транснациональных союзных отношений. Теперь мир вступил в исторический цикл, когда понятие суверенитета вновь актуально.

Суверенитет означает территориальность; территориальность – обозначение границ; за обозначением следует их отстаивание; отстаивание переходит в столкновение; столкновение, если оно завершается без решительного исхода, ведёт к урегулированию и накоплению ныне дефицитного ресурса – собственного национального опыта крупных внешнеполитических поражений и побед. Такой опыт дарует элитам осознание того, что добиваться желаемого политическими средствами дешевле, чем военными. Сегодня же проблема в том, что многие представители элит, лишённые опыта катастрофы, судя по всему, верят, будто только силой можно достигать значимых результатов, – и это убеждение ошибочно.

Отсюда вырастает менее очевидное измерение суверенитета – когнитивный, или ценностный, суверенитет. Он принципиально важен ещё и потому, что цифровая эпоха стирает суверенные границы, коммуникации действуют поверх них, бросая правительствам вызов – сохранить эффективное управление и приемлемые нарративы на вверенной им территории. Когнитивным суверенитетом обладает тот, кто контролирует формулирование понятий. А это определяется национальным опытом. Опыт может как обретаться, так и утрачиваться. Скажем, текущие попытки европейских стран срочно восстановить свою стратегическую автономию из-за изменения американской стратегии демонстрируют неспособность это сделать, по крайней мере быстро. Говоря просто, отвыкли. Мышление элит о войне, мире и порядке преобразовалось и повернулось в сторону зависимости (уступка суверенитета в обмен на те или иные гарантии) и локальности (ограничение горизонта сопредельными территориями).

Обращение стран к защите суверенитета сопровождается возобновлением архетипических стратегий в зависимости от пространственного положения. Возвращение Соединённых Штатов к архетипу морской державы проявляется грубо и болезненно для соседей и союзников – в претензиях на территориальное расширение за счёт Гренландии, в давлении на Канаду и Венесуэлу. Если в Евразии США выступают удалённым, офшорным балансиrom, то в Северной и Южной Америке – континентальной державой. Континентальное расширение в ближайшей географии и морская стратегия в отношении Евразии – таков путь возвращения Америки «к себе».

Морская держава тревожится в первую очередь о безопасности морских пространств и транспорта, а на любой континент смотрит сквозь призму доступности его побережья. Насильственное «вскрытие» британцами Китая и Японии в середине XIX века – суть такого поведения. Для континентальных держав оно выглядит как «стратегия хаоса»: морскую державу не заботит порядок на материке, ей нужна лишь лояльная администрация в ключевых портах, обеспечивающая импорт и экспорт, и она по возможности ограничивает своё военное участие в делах континента. Так, Соединённые Штаты не стали направлять экспедиционный корпус в Венесуэлу, ограничившись похищением президента, изъятием золотого запаса, угрозами дезорганизовать вывоз нефти и навязыванием долгосрочных концессий. Сам Вашингтон, впрочем, склонен видеть в этом не хаотизацию, а особый тип управления международными отношениями с позиции моря⁵. (Точнее всего эту экзальтацию морского могущества передал ещё Марк Твен в статье «Мы – англосаксы»⁶.) Сказывается и то, что Соединённые Штаты не переживали катастрофической войны с внешним врагом на собственной территории, а такой опыт обычно формирует культуру сдержанности и добавляет реализма во внешнеполитическое планирование.

Россия действует как классическая континентальная держава. Её приоритет – предсказуемая ситуация в поясе границ, формирование буфера на направлении ожидаемого удара. Россия заинтересована в сохранении порядка и прозрачности в делах Евразии. Эта логика лежит в основе консенсуса с Китаем, оформившегося ещё в середине 1990-х годов: полицентричный мир должен опираться на принципы невмешательства, равноправия и неделимости безопасности. Та же мысль звучит в тезисах о региональной ответственности за кризисы и о сворачивании участия внерегиональных сил в жизни Евразии. И когда Китай в противовес прежней американской формуле «управляемого соперничества» предлагает Соединённым Штатам «стратегическую стабильность», в этом читается континентальное требование предсказуемого соседства, которое морской архетип, уклоняющийся от долгосрочных обязательств, может просто не уловить.

⁵ Mahan A.T. The Influence of Sea Power upon History, 1660–1783 // Boston. 1890. XXIV. 557 p.

⁶ Статья Марка Твена 1906 года “*The Anglo-Saxon Race*” впервые была переведена на русский язык Б. Приваловым, И. Савицким под названием «Позор человечества» и включена в антологию «Рыцари доллара (сатирические рассказы американских писателей)», вышедшую в издательстве «Правда» в 1952 году (см. стр. 8). Под названием «Мы – англосаксы» в переводе В. Лимановской она была опубликована в 1953 году.

Полная ясность силового баланса 1945 года позволила договориться об Уставе ООН; ценности и принципы всегда будут продуктом очевидного для всех равновесия сил, добытого, как тогда, дорогой ценой, – и проверять это заново слишком дорого. Сегодня общего понимания силового баланса в мире нет. Европейцы едва ли до конца представляют себе, как выглядело бы (катастрофически или нет) военное столкновение с Россией. Для Соединённых Штатов проверка пределов силового воздействия на средние страны вроде Ирана остаётся своего рода лабораторным опытом, результат которого ещё не объявлен. Существует масса гипотез об исходе предполагаемого военного столкновения с Китаем из-за Тайваня.

Если гипотеза о возвращении держав к своим архетипам верна, определяющими для геополитической расстановки сил в дальнейшем будут три вопроса.

Первый вопрос: судьба Европы и роль Германии. Последняя неожиданно для себя может оказаться ведущей военной державой континента, хотя по темпам строительства армии её пока опережает Польша. Германское поведение питается подспудной эмоцией обиды, но непосредственной движущей силой служит ощущение морального превосходства как нации, которая преодолела в себе страшное зло и теперь имеет право предписывать другим, как они должны себя вести.

Европейский союз в целом оказался не готов к столь радикальному изменению международного ландшафта. Предыдущая его версия – под неоспоримой эгидой США – европейцев максимально устраивала, потому что избавляла от фобии повторения собственной истории непрерывных противостояний. Полезно вспомнить предсказание Джона Миршаймера 1990 года, почему мы вскоре будем «скучать по холодной войне»⁷. Тогдашний распад биполярной стабильности, как он считал, откроет парад национализмов в Европе. Неизбежны конфликт с Россией и вывод американских войск из Европы, а это вернуло бы континент к фатальной динамике начала XX века. Тогда прогноз посчитали неоправданно мрачным и предвзятым. Путь к обстоятельствам, в нём описанным, занял не одно десятилетие, сейчас пророчества классика кажутся куда более реалистичными.

Правда, стоит сделать важную оговорку – в отличие от событий прошлого столетия Европа не является и уже не будет главным мировым политическим, экономическим и интеллектуальным центром. Соответственно, ставки во внутриевропейском конфликте могут быть высоки для конкретных европейских стран, но на ситуацию в мире в целом он окажет ограничен-

⁷ Статью Джона Миршаймера «Почему мы скоро будем тосковать по холодной войне» на русском языке можно почитать здесь: Россия в глобальной политике, 2008, № 6. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-my-skoro-budem-toskovat-po-holodnoj-vojne/>. Оригинал статьи на английском языке см.: Mearsheimer J.J. Why We Will Soon Miss The Cold War // The Atlantic Monthly. August 1990. No. 2. Pp. 35–50. URL: <https://www.mearsheimer.com/wp-content/uploads/2019/07/A0014.pdf>

ное влияние. Сценарий новой консолидации Евросоюза на какой-то основе, в том числе – на основе противостояния России, можно учитывать, но вероятность успеха сегодня не кажется высокой.

Второй вопрос: выбор Индии между функцией фланговой державы по сдерживанию Китая, которую ей навязывают США в логике морской стратегии, и ролью евразийского стабилизатора в широком понимании. Препятствием для второго служит накопленный Индией в отношении Китая эмоциональный балласт, который пока непреодолим. Индии могла бы быть выгодна позиция континентальной державы, разделяющей с Россией и Китаем заинтересованность в стабильном и поступательном развитии евразийского пространства. Так, Южная Азия превращается в ключевое соединительное звено между огромным континентом и гигантскими океаническими просторами. И именно с активным участием Индии полицентричность обретает нужный вес и объём.

Третий вопрос: как распорядятся преимуществами своего пространственного положения новые крупные державы, в частности Бразилия и Индонезия, пока не имеющие значимого опыта участия в глобальных процессах. Если они осознают особую региональную роль и научатся ей пользоваться в кооперации с другими центрами мирового влияния, вся международная система обретёт большую устойчивость. То же относится к Африке, хотя неоднородность этого континента, конечно, делает путь его превращения в единый международный субъект гораздо более длительным.

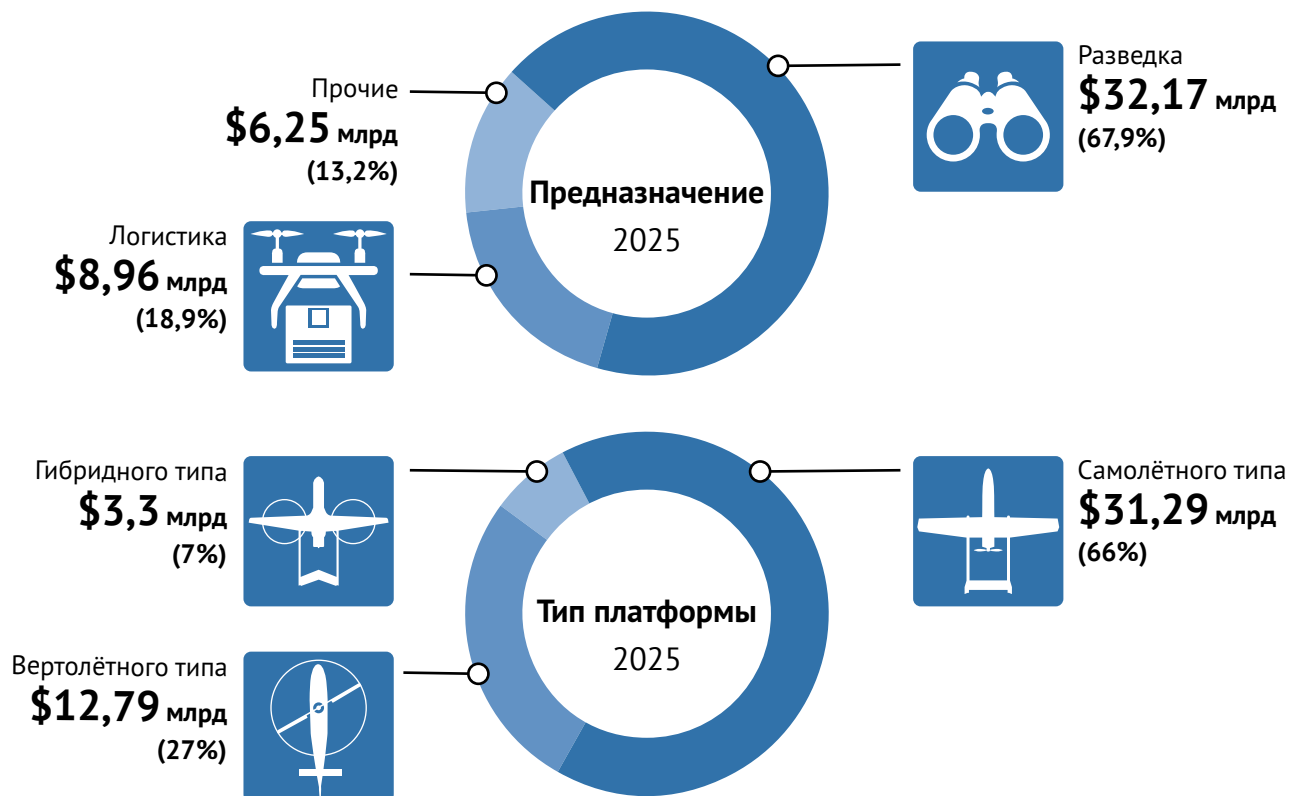
Новая расстановка сил складывается медленно и нелинейно. К российско-китайской конфигурации, с которой началось выстраивание полицентричности, постепенно примыкают другие опорные страны, группирующиеся в сообщества ШОС и БРИКС. Так формируется альтернативная инфраструктура.

Порядок – продукт осознания силового баланса, а не его предпосылка. Сила же сегодня – комплексный феномен, включающий в себя не только военную составляющую. Предметный разговор о какой-то версии баланса возможен лишь после того, как наступит новая силовая ясность; до тех пор будет действовать принцип оппортунизма, согласно которому каждая держава берёт столько, сколько способна удержать, признавая то же право и за другими. Главная опасность этого промежутка – не оглушительный обвал, а медленное истощение национального опыта сдержанного поведения, не позволяющего конфликтам переродиться в катастрофу. Сохранить этот опыт – едва ли не главная задача в эпоху, когда прежний порядок осыпается, а новый ещё только создаёт свои опоры.

ПРОИЗВОДСТВО ВОЕННЫХ БЕСПИЛОТНИКОВ

БПЛА

Государство против антиутопии

До недавнего времени международный прогресс понимали как усовершенствование условий международной жизни, мерилom чего считалась степень защищённости государств, которые сами себя защитить не могут. Сейчас прогресс в таком толковании замедлился, если не остановился вовсе. Проявления произвола фиксируются регулярно. Но стоит ли на основе этого делать вывод о фатальном упадке человеческого сообщества, что может породить апокалиптические предчувствия?

Для начала стоит признать, что чрезмерно драматическое восприятие происходящего является следствием иллюзии, возникшей 35 лет назад. Тогда решили, что эпоха тревог и угроз закончена, а человечество, сначала его наиболее богатая часть, а затем и все остальные, быстро движется к удовлетворённости своим положением, которое исключает стремление менять себя и окружающую действительность. В центре такой философии находилась идея глобального мира и слабого государства – двух важнейших условий и одновременно следствий фундаментальных социологических изменений. Основным двигателем изменений, как считалось тогда, – трансформация личности в сторону «последнего человека» Фридриха Ницше, публицистически преподнесённого на исходе холодной войны Фрэнсисом Фукуямой («в будущем мы рискуем стать безмятежными и самопоглощёнными <...>, лишёнными тимотических стремлений к высшим целям и жаждущими только личного комфорта»)⁸.

Сейчас такие идеи кажутся абсурдными, и удивительно, что относительно недавно ими руководствовались целые научные школы, а политические деятели в публичных рассуждениях исходили из неизбежности «конца истории». Государство не просто возвращается, а всё более уверенно занимает новые позиции там, где его раньше не было и в помине. И чем амбициознее ведут себя негосударственные акторы, стремящиеся преодолеть государственную монополию на власть (прежде всего транснациональные цифровые платформы), тем решительнее государство берётся за противостояние.

Нарастание государственного вмешательства – отличающееся от страны к стране по степени своей продуманности и качества исполнения – наиболее заметная тенденция современности. Часто «политизация» новых сфер развития экономики и общества, то есть немедленное вписывание их в контекст межгосударственного противостояния, становится реальностью ещё

⁸ Книга Фрэнсиса Фукуямы *“The End of History and the Last Man”* была выпущена в США в 1992 году. Цитата приводится по первому изданию на русском языке: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Левина. М., 2004.

до их полноценного появления на свет. И это, как представляется, следует считать положительным явлением. Ведь *отмирание государства* не означало бы *отмирания власти*. А власть никому не подконтрольных сущностей – это прямой путь к антиутопии. Только государство подвержено какому-то общественному контролю. Оно остаётся единственным (хотя, конечно, не-идеальным) защитником индивидуальной свободы человека перед лицом общностей и структур, которые (речь в первую очередь о корпорациях) пытаются прийти ему на смену, но не представляют собой продукт какого бы то ни было «общественного договора».

Мир и общество не замирают и не стагнируют в своём развитии, а временное завершение эпохи грандиозных идей, теорий и программ не означает прекращения идейно-политической борьбы как таковой. Происходит эрозия партийных систем, особенно на Западе, где они получили наибольшее развитие, трансформация «партийной идеи» в целом. Но на их место не приходят универсальные, «всеобщие» социальные или политические движения. Происходит постепенное становление и интеграция в государственную систему новых партий: пример Европы наиболее интересен, поскольку исторически партийные системы возникли именно здесь. Политические страсти продолжают кипеть вне зависимости от того, происходит это в условиях множества партий или ограниченного круга доминирующих политических сил.

Сохраняется национализм с присущими ему отрицательными чертами и последствиями для способности государства проводить разумную и ответственную внешнюю политику. Однако в большинстве случаев он обретает не этнический, а государственный характер – «осваивается» государством точно так же, как и остальные явления современной жизни. Нет признаков того, что люди готовы ввязываться в кровавые и бессмысленные войны «за престиж». Даже риторика, расцвеченная религиозным радикализмом, служит, как правило, прикрытием для прагматических соображений, окрашенных волей к различным формам власти. Идеологический (включая религиозный) фанатизм и этнический национализм становятся уделом сообществ, маргинальных на общем фоне. И в большинстве случаев они оказываются инструментами в руках других, а не самостоятельными игроками.

Развитие рыночной экономики с опорой на новейшие технологические достижения ведёт к эрозии традиционных механизмов объединения людей на основе экономических интересов и солидарности. Например, налицо кризис профсоюзного движения вместе с фатальной эрозией понятия «трудящийся». Одновременно возникают новые формы сплочения людей в общественные группы – сначала для решения частных задач взаимопомощи, а затем и более системно работающих над защитой прав в отношениях с государством или корпорациями. Стоит ли говорить о развитии науки и технологий – оно происходит повсеместно и очень быстро. По сути, уже упомянутый рост отчуждения следует за прогрессом в разных научно-технических областях, позволяющих раскрыть заложенные

в человеке ресурсы. Мир никогда прежде не менялся так стремительно, как сейчас, когда он практически утратил то, что мы называем международным устройством или порядком.

Человек и человечество в целом сохраняют способность менять себя и раскрывать свой потенциал – передавать знания и активы, осваивать их, использовать и, что самое важное, преобразовывать своё окружение. Даже пессимистичное и основанное на страхе восприятие происходящего представляет собой защитную реакцию этической системы человека на взаимодействие политических субъектов, усиленное мегафоном современных средств коммуникации и информационного общества. И человек продолжает ставить над собой и природой масштабные эксперименты.

В международной политике происходит возвращение человека – правителя: на фоне упадка институтов многократно выросло значение отдельных лидеров и государственных деятелей. Символом является не только всеобщее внимание к поступкам и заявлениям главы американского государства, но и вообще сведение «верхнего уровня» мировой политики к отношениям внутри группы первых лиц России, Индии, Китая и США. За пределами этой «высшей лиги» выделяются сильные персоны, стоящие у руля средних держав. Слабеющее положение Европы в мировых делах иллюстрирует интеллектуальное качество её лидеров, всё менее способных решать проблемы внутри и фактически уже не создающих позитивной повестки на международном уровне.

Вне зависимости от конкретных примеров сам факт того, что к лидерам (за спиной которых маячат также не безымянные чиновники и дипломаты – дипломатия активна, правда, в новых формах и проявлениях) приковано всеобщее внимание, показывает – человек снова в центре международной и общественной жизни. Он приобрёл новые атрибуты и ограничения, но не изменился по своей природе, сохранил стремление к достижениям, успеху и власти. То есть способность развиваться.

А как же прогресс международной системы как таковой? Если развивается человек, создающий образующие её государства, она не самоценна. В конечном итоге государство – инструмент, при помощи которого творятся условия для развития личности. Изменение статуса институтов – следствие того, что государствам, стало быть, и человеку, они нужны меньше.

Можно сформулировать несколько выводов, относящихся как к международной, так и к национальной, общественной реальности второй четверти нашего столетия.

Во-первых, мир за последние годы освоился в динамичном состоянии, начали проявляться стабильные характеристики модуса его существования. Собственно говоря, хаос⁹, по поводу наступления которого одно время переживали, – не только продукт, но и альтернатива угасающей динамики международной жизни. Сейчас анархия¹⁰ – уже саморегулирующаяся система. Попытки вернуть разговор к вопросу о глобальном управлении (в обывательской формулировке – «мировом правительстве») представляют собой бессмысленную трату времени. Отсутствие «порядка» не является основанием для остановки развития – это вселяет оптимизм.

Во-вторых, не состоялась антиутопия «последнего человека». Человек везде сохраняет способность к личному прогрессу – познанию и реализации своего потенциала, не успокаивается и не превращается в управляемого потребителя или бесправного раба ни скатившегося к тоталитаризму государства, ни корпораций¹¹. Возникают новые формы организации людей и укрепляются традиционные (государство), мир находится накануне нового витка политической конкуренции, которая не будет вестись вокруг «больших» идей и идеологий, но сохранит свою природу борьбы за власть. В эпоху наибольшего отчуждения и отсутствия решений этой проблемы на уровне идеологии личности играют всё более важную роль, заменяя собой институты, под знаком которых прошла вторая половина «длинного XX века».

В-третьих, «вернувшееся государство» – это решение, а не проблема. Оно защищает человека, в наибольшей степени поддаётся его влиянию и помогает снижать неопределённость, связанную с развитием современной рыночной экономики. Государство сохраняет базовую функцию – обеспечить жизнь, свободу и возможности самореализации граждан, хотя формы и инструменты в каждой стране свои. Дело ответственных государств на уровне международного устройства – создавать условия для развития человека. Международная жизнь – взаимодействие государств, в том числе конфронтационное, ради сохранения и развития условий для прогресса на уровне личности. Прогресса не шаблонного по модели «конца истории», а нелинейного и разнообразного, как весь мир множества культур и цивилизаций.

⁹ См.: Барабанов О., Беспалов А., Бордачёв Т., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И. Доктор Хаос, или Как перестать бояться и полюбить беспорядок. Ежегодный доклад клуба «Валдай» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 29.09.2026. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/doktor-khaos-ili-kak-perestat-boyatsya>

¹⁰ См. также: Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И. Время взрослеть, или Оправдание анархии. Ежегодный доклад Клуба «Валдай» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 30.09.2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/vremya-vzroslet-ezhegodnyy-doklad>

¹¹ В классическом понимании антиутопия – это отсутствие прогресса в развитии человека в пользу стабильности, удовлетворения базовых потребностей и превращение человека в легко управляемого потребителя («О дивный новый мир» Олдоса Хаксли, «Мы» Евгения Замятина).

* * *

Так ждать ли нам худшего будущего, чем раньше? Как ни банально это прозвучит, – зависит от нас. Несмотря на всю сложность и запутанность международной ситуации, она подлежит и трезвому анализу, и корректировке, и управлению. Все элементы сегодняшней мировой палитры известны, они существовали и в прошлом, но проявляются сейчас в новом качестве (более интенсивно) и другой комбинации (всё сразу).

Накопленный опыт – не догма, но руководство к действию. В том числе и опыт отрицательный, дающий понимание того, чего делать не надо. Последние три с лишним десятилетия – пример именно такого рода. Можно как угодно оценивать намерения творцов истории конца XX века, но наблюдаемый сегодня результат свидетельствует, что тот этап международных отношений неповторим и пытаться воспроизводить его не стоит. Это оказался не венец политического развития мира, а кризис модели, существовавшей после Второй мировой войны. Что само по себе не трагедия – не бывает и не будет схем, установленных раз и навсегда. Срок годности заканчивается даже у самых выдающихся проектов.

Станет ли будущее тех, кто живёт на планете Земля сейчас, лучше, чем у тех, кто населял её прежде? Обещать нельзя. Будущее – всегда набор вероятностей, реализующихся в разной степени. Ход событий подчиняется определённым закономерностям, но зависит прежде всего от того, насколько ответственно мы к нему подходим. Расчёт на то, что «конец истории» разрешит все проблемы и создаст неизбывное «светлое будущее» для «последнего человека», оказался несостоятельным. Чего и следовало ожидать.

Человек, если он не хочет стать действительно последним, осознает, что будущее – не прерогатива природных сил, законов общественного развития, умелых роботов или искусственного интеллекта. Оно в его руках. Ответственность за будущее сегодня – не лозунг, а императив поведения. В ходе развития человечество изобрело множество эффективных способов самоуничтожения – от физического до морального, и это тоже плоды прогресса. Но опыт преодоления угроз и перехода на новый уровень очень богат. Нам не нужно будущее, которое станет лучше, чем раньше. Нужно будущее, которое не хуже. И которое, в принципе, будет.

 Valdai_Club
 valdaiclub
 valdaiclub
 valdaiclubcom
 Международный
дискуссионный
клуб «Валдай»
 Клуб «Валдай»
admin@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

